

ИСТОРИЯ И ПРАВДА НЕРАЗДЕЛИМЫ: ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

В балаганах мы жили до самой зимы, похоронив отца в возрасте 32 лет и сестренку двух лет. Балаган, сделанный из мешка и маминой юбки, заносило снегом. Мы с братишкой лежали плотно прижавшись, согревая друг друга, ждали, когда мама и старшая сестра (ей было 12 лет) придут с работы, разгребут снег, вползут в балаган. Мама ляжет между нами, прижмет к себе, станет рассказывать сказку, которую мы давно знаем наизусть, но все равно слушаем с большим вниманием, и нам становится тепло и от сказки, которая всегда была доброй, и от маминого тепла, и очень хотелось, чтобы ночь никогда не кончалась. Ведь с приходом рассвета мама уйдет на работу, а без нее станет холодно.

И мы молча торопили день, слушая вой ветра и наблюдая за тем, как около лаза в балаган растет сугробик снега, который совсем закрывает мам лаз, и в балагане становится темно. В этой темноте мы напряженно прислушиваемся, долго прислушиваемся, иногда затаив дыхание. И

ПАМЯТЬ СТУЧИТ В СЕРДЦА

в этой тишине вдруг среди воя ветра слышим тихий голос мамы (она никогда громко не разговаривала): «Опять занесло., так им теплее». Это о нас с Васей. А нас начинает бить дрожь. 51 чувствую, как весь подрагивает Вася, сама я тоже дрожу, стучат зубы. Такое состояние длится долго, пока мама с Пашей разгребают руками снег, чтобы вползти в Балаган. И еще долго мама поглаживает руками наши тела, чтобы унять эту дрожь. А Вася всегда произносил, плотнее прижимаясь к маме: «Ох ты, моя теплушечка».

До зимы не успели построить бараков для всех. Ведь около 15 тысяч переселенцев привезли к берегу Ишима (точка с номерным знаком 11). В барак вселили много семей. В нашем бараке под № 226 жили две семьи Антиповых, Федосовы, две семьи Анакиных, Гурьяновы, Кирилловы, Исавкины, мы — две семьи Ярцевых (тетя Поля с Ванюшкой, умерли в 33-ем году), Махмутовы, Маметовы, Асяевы. Может, кого и пропустила.

Через дырявую крышу (крыша из хво-

роста, засыпана землей, а землю во многих местах сдуло ветром) в ясную погоду просвечивалось небо, видны звезды, в буранную — сыпался снег на наши постели. Утром его стряхивали в проходы между семьями, тут он и притаптывался. Чистый снег с края дерюжки слизывали языком — это заменяло питье. Растопив во рту кусочек снега, можно протереть глаза (умыться).

От скученности людей, от холода ли или от грязи (не мылись, как настали холода, вода в Ишиме тоже стала холодной) стали одолевать вши. Волосы склеивались от вшей и гнид, шевелились. В каждой шве одежды, в каждой дырке дерюжки, в каждой петле самодельных шерстяных чулок были вши, Начался тиф, а за ним последовали и смерти.

Голода, мне кажется, тогда ещё не было. Продукты давали. Только сварить не на чем было, топлива не было. А потому ели всухомятку хлеб, соленую рыбу, чечевицу, запивая снегом. Много людей ушло из жизни в эту зиму. Но и следующая зи-

ма оказалась еще более жестокой. Ко всему в придачу еще и голод. Продолжился этот голод летом 33-го года.

Трупы не успевали закапывать. Они не сохранялись как зимой, стояло зловоние, першило в горле, вызывая тошноту. Мертвых не оплакивали, им завидовали. Умер и наш Вася (7 лет ему было). А мы трое выжили. Это чудо, что мы и горсточка подобных нам остались живы и живем сейчас» продолжая верить и надеяться, что когда-нибудь и у нас наладится жизнь человеческая. Нам не дожить, пусть хоть внуки не повторят нами пройденное.

Братские могилы, где в каждой покоится сто и больше человек без всякой отметины, заросли травой.

За что, Господи, ТЫ ОТНЯЛ разум у наших правителей? Ни один здравомыслящий никогда не мог придумать такое наказание ничем не провинившимся своим соотечественникам.

М. ХИЛОВА.

Г. ТЕМИРТАУ.

Сельский труженик.-1992.-6 фев.